

ДВА РАССКАЗА

УРАЛ-КАВКАЗ

Через неделю после окончания Пятидневной войны пришла Сусанна.

Мы не виделись лет тридцать – с тех пор, как со своим вторым мужем она уехала в Норильск. Но после перевала жизни ведь все сползаются. Правда, оказалось, что одни подались в дворяне, а другие – в монастырь. Однако в гости к нам все приходят и вино полусладкое приносят, а мы дарим свои книжки.

Из-за большого слоя воли некогда пластичное лицо Сусанны теперь казалось почти мужским. Прорубая воздух прекрасной скалой носа, она подошла к столу и метнула на его середину два пирога: с брусникой и сёмгой.

– Тетя навалилась с кулинарным обучением, когда я вернулась в пермское гнездо. – В груди у нее словно разговаривала посуда из толстого цветного стекла.

– Слав, помнишь нашу встречу в кассах?

– Такие незабвенные встречи меняют всю жизнь...

– Слава, больше не пей, а то... опять будут белые столбы в глазах.

– Жена не понимает, что белые столбы – они потому, что не каждый день выпиваю...

Сусанну было не сбить:

– В самом деле, тогда все и началось. В кассах. Я тете покупала билет на самолет. В очереди зевала, листала ее паспорт, смотрю: место рождения – Новосибирск. В шутку подумала, даже про себя озираясь: с Колчаком, наверно, отступали наши, в окружении загадочных красавцев-офицеров.

Сусанна не скрывала, что любит красавцев. А кто их не любит. Их, правда, раскаленно ненавидят – но только потом, когда уже они сбегут из объятий.

Сусанна нарубила пироги, осмотрела донышки тарелки и чайной чашки и сказала, драгоценно блестя соболями усиками:

– Так и знала, что у вас «кузнецов». Я хорошую посуду чую сразу.

А мы сами не знали, что «кузнецов». Друзья дарят, дарят, и в толпе фарфоровой черни вдруг попадаются какие-то аристократы.

– По первенькой! За судьбу! Внутри! – и Сусанна выпила залпом.

Она играла роль гостьи с блеском. Любим мы таких людей! По сусекам души наскребут остатки оптимизма и в гостях его излучают якобы с неиссякаемой мощью.

– Сначала тетя, а потом дядя, – продолжала Сусанна. – Он пришел к нам первого мая после демонстрации со всем этим веселым мусором: шариками, флажками, искусственной веткой цветущей яблони. Уже подшофе, и говорит мне: «Сусанка, Сусанка, а ведь из-за твоего папки я чуть семью не потерял. Ему было два года, а мне семь... я выскочил из вагона – купил молока для него. А поезд пошел! Ладно, мужики затащили меня на ходу». Я спрашиваю вроде безразлично: «С Колчаком, что ли, отступали?» Он сразу протрезвел. Оглянулся. Мы стояли посреди советской власти, поэтому он тему быстро сменил. Была у него такая приговорка: «Не за это девки любят – не за гладкое лицо». Когда надо было сменить тему, он

всегда так начинал... но я-то примерно поняла: поезд – это они уже возвращались из Новосибирска. Белые разбиты, а надо было как-то жить дальше. Нин, я читала, что твоего деда раскулачили?

Тут вдруг она захотела ласково выжать из нас хвалы своим пирогам, но увидела, что лучшим комплиментом было наше молчание с набитыми ртами.

Сусанна продолжала:

– Нам всем история семей открылась только во время перестройки. Хотя – один раз папа проговорился еще раньше. Я как-то спросила: «Тебя строго воспитывали?» А он заклеивал мне сапоги, весь контроль был направлен на стык подошвы и каблука, и он не задумываясь брякнул: «Если расшались и лестница скрипит, знаем: тятя идет – и все, тихо!» – «Что за лестница?» – «На второй этаж». – «Дом был у вас двухэтажный?» Отец будто протрезвел, и больше ни слова я из него не вытрясла.

И она потрясла белыми округлыми руками. При взгляде на них думается: странно, что не вытрясла. Заметив наши взгляды, Сусанна заметила:

– Как мне доставалось от папы за эти руки! Он брал их, рассматривал и сокрушался: «Разве это руки? Мало работаешь! Мать, почему наша дочь мало работает?» Ах, какой у меня был папа! Даже его фронтовые друзья говорили маме: «А мы думали, что он не будет счастливым». – «Почему вы так думали?» – «Уж очень он хороший»...

И она громко всхлипнула. Она вообще вся была как немного чрезмерная драгоценность – яркая, шумящая. Что-то в этом роде мы ей выразили.

– Да что вы! Уши, как два рояля – так говорила обо мне первая свекровь... ну, недолго она была моей свекровью.

Далее Сусанна высыпала историю своих раскулаченных предков.

Да, дед по отцу уходил с Колчаком, когда бабушка была беременна этой самой тетей. А вернулись в Ильинское – дом разорен. Бабушка умерла от горя. Родня решила деда женить: девять детей, нужна женская рука. Сосватали ему тридцатилетнюю хозяйственную девушку из соседней деревни – старшую дочь в семье. Приехали сватать – она в это время убирала у свиней, а на сундуке сидит ее ленивенькая младшая сестра, очень красивая.

– Будем сватать эту, – решил дед.

Страстно ее любил. Она родила ему двух детей. Бывало она повздорит с дедом, не выходит к обеду, капризничает – он ее на руках выносит к столу. Звал ее за кудрявую голову «Ягненок». Старшие дети мачеху за это ненавидели, дразнили за глаза: «Ме-е-е-е!»

Пришел тридцатый год. У деда одиннадцать детей. Началось раскулачивание. Им кто-то подсказал уйти самим из Ильинского. Ну, бросили дом, все – пошли в Пермь. Сняли комнату, вскоре деда посадили по уголовному делу – за разбазаривание соцсобственности. Сопровождал он подводы с зерном из деревни до завода, в лесу мужики с вилами напали на обоз и все отняли. Просидел два года.

А младшего брата деда сослали как кулака на север области. Но его жену не тронули: была медсестрой, и к ней отнесли не как к кулаку. Потом еще сослали младшую сестру – лет двадцати шести. И вот на барже, куда сгрузили несколько конвоев, она увидела, как охрана хохочет-заливается. Это ее брат смешил их какими-то скоморошинами. Она к нему подошла, он сказал: «Это моя сестра, переведите ее ко мне». А ночью ей шепчет:

– Придумывай какие-нибудь прибаутки, у меня уже сил нет их смешить.

Их высадили на полянке. Они стали строить дома сначала охранникам, потом себе. Жена-медсестра приехала. Она не только лечила охрану, но женам охранников шила все. Вязала какие-то необыкновенные салфетки.

Придумали, как сестре сбежать. Жена-медсестра якобы потеряла паспорт, ей выдали новый. Сестра через полгода скрылась со старым документом. Бежало из ссылки очень много людей, но местное население не выдавало только своих, а украинцев выдавало. Украинцам только потому надо было отделиться от России, говорила Сусанна, что теперь их не сошлют в Чердынь ни при какой погоде... Брат деда ушел из ссылки на войну и погиб. Их сын, который там вырос, помнит, что последние, которые приподнимали шляпы при встрече друг с другом, были эти ссыльные. Почти все они погибли на фронте.

Этот сын ходит каждый год в бывшее поселение с двумя своими детьми. Там пустой берег, но какая-то сила памяти тянет туда, где мучились родители.

– А в Ильинское твои родители ездили после раскулачивания?

– Один раз к ним приезжала дальняя родственница, девушка, – ее оставили во флигеле жить. Она привыкла, что каждую весну все окна в доме и на веранде моются, занавески крахмалятся – и дом стоит, как невеста. Когда поселились двадцатипятидесятники, эта девушка по-прежнему каждую весну брала ведро и тряпку, мыла окна на двух этажах, крахмалила занавески, хотя дом уже был чужой. Но каждую весну он снова сиял, как невеста... Нин, я тебе вышивки принесу – покажу, какие занавески бабушка умела вышить, только они и сохранились.

– Сусанночка, от моих и этого не осталось! Бабушка сразу умерла от разрыва сердца, как их раскулачили, деда в Сибирь увезли, и папа его всю жизнь искал, но не нашел – его же, двухлетнего, сдали в детдом... Какие жизни прожили наши предки!

– Нин, слушай! При этом папа вспоминал всегда только самое веселое... Пришел с фронта, жил в общежитии. После какой-то вечеринки обнаружили узенькую рюмочку ликера. Поняли, что разлить не смогут и придумали макать по очереди пальцем и облизывать. Так вымакали всю рюмочку.

– Прямо Гоголь! Вымакать рюмочку ликеру...

Мы были так потрясены силой ее переживаний и тонкостью, приобретенной за эти годы, что замолчали на некоторое время.

Затем пунктиром Сусанна поведала о своей личной жизни. Впрочем, до тридцати лет мы все знали (учились на одном курсе). В университете у нее была первая неземная любовь. Потом грянула вторая неземная любовь, но пора было выбегать уж замуж.

У своего мужа-доцента она была третьей женой – видимо, он захватил ее мимоходом, за ее античную красоту. Прожила в этом браке Сусанна года два, ну, два с половиной. Однажды зашла за мужем на кафедру не вовремя и услышала, как он говорил кому-то по телефону:

– Что, понравились эти витамины? Они мне здорово помогают: за эту неделю всех своих баб вы.б. Купи у меня дачу. Знаешь, какая у меня дача? Я там всех своих баб вы.б.

Вскоре после развода Сусанна ехала в автобусе, автобус резко затормозил, она – здоровенная валькирия – обрушилась всей своей статью на старичка – маленького, сухонького, лет восьмидесяти. Стала испуганно извиняться. А он, как француз какой-нибудь, ответил: «Что вы, мадам! Мог ли я об этом мечтать в мои годы!»

Эти его слова произвели впечатление на соседа – мужчину лет сорока. Он протянул ей руку и представился:

– Евге-Евгенич.

У него была шестиугольная физиономия, и на ней – итальянской небесной синевы глаза. Сусанна любила прямых людей, думала: они, как отец ее, добры и

так далее. Эти глаза цвета итальянского неба и увезли ее в Норильск на тридцать лет.

Впрочем, с ним она прожила только десять. Сначала он после тяжелого рабочего дня выпивал немного, называя это «боевые сто грамм», а потом доза все росла и росла...

– Ты меня не заинтересовала, поэтому я пью, – говорил Евгенич.

И однажды Сусанна проснулась от того, что мышь кусала ее палец! Такими двойными кусаниями. Кусь-кусь (и так три раза по кусь-кусь). Пожаловала на несчастье. После этого Сусанна поняла, что нужно что-то делать. «Вот уже мыши меня дегустируют»!

Они развелись.

Он потом приходил пару раз после белой горячки, жаловался, давясь безумною улыбкой:

– Сначала было светло и никого нет, а потом темно и кто-то разговаривает.

Сусанна только повторяла бесконечно мантру: «Ни о чем не нужно говорить – ничему не следует учиться».

От каждого брака осталось по дочери – мы их никогда не видели, но знаем, что обе вышли замуж в Германию.

А задолго еще до этих удачных замужеств дочерей Сусанна сошлась с одним талантливым художником, имя его она нам так и не сообщила, а выразилась как автор рассказа: «Назовем его В.».

В. тогда болел, потерял работу и квартиру. Ходил с трудом, с кривой палкой. Денег на трость у него не было. Обреченно мог сказать про себя:

– Я так же могу забраться на второй этаж, как корова на баню.

А мог предсказывать по кошке Сусанны будущее, даже необыкновенное богатство их общее: как кошка выходила – робко или нагло, как принохивалась...

Сусанна прописала его в общежитии (она работала завклубом), помогла с работой, заставила сделать операцию на колене. С хирургом подружилась даже, запомнила его на всю жизнь. У него всегда словно шторка угрюмости была опущена на лицо. Оживлялся лишь в миг разговора о женщинах. Спрашивал больного: «О жене думаете? Значит процесс выздоровления пошел». И снова шторка угрюмости опустилась на лицо...

В. создал малое предприятие, организовал все удачно, деньги пошли. Коммерческий дар у него был! Но с появлением денег начал выпивать. Она шла домой и боялась, не идет ли дым, не горит ли все: он запросто мог заснуть с сигаретой. Дочери младшей – Беате – тогда было двенадцать, а он, выпив, мог привести любого постороннего человека.

Это все при том, что В. носил бутоньерки, ей покупал австрийские туфли.

– В общем, я катилась в пропасть с огромной скоростью, но этого не осознавала. Ведь все окружение меня хвалило: декабристка, героиня, спасаешь человека. И вдруг батюшка сказал: «Я не могу вас допустить к причастию, вы живете в грехе – вы можете потерять дочерей».

А как раз Беату пришлось забрать из музыкалки. Учительница сказала: «Не волнуйтесь на сцене, по домре можете сразу не ударять, только делайте рукой поверх, а потом присоединяйтесь к оркестру». Так до чего дошло: дочь никогда уже не играла – только имитировала. Учительница рассердилась: «Забирайте ее».

Сусанна пришла домой в полной уверенности, что В. будет рад предложению пожениться, а он сказал: «Этого не будет никогда: деньги мои, делить их не собираюсь».

Они расстались, и он покатился. Работники фирмы перерегистрировали ее на другое название и не взяли его. Но это уже не волновало Сусанну.

Ведь Беата, которая не хотела учиться, читать, играть на домре, которая ненавидела картину В., где голова росла у человека прямо из колена... вдруг ожила, пошла в художественную школу...

— С тех пор я уже решила никого никогда не искать... Цветаева говорила, что ей не нужно много природы. Три дерева чересчур — достаточно одного. Там так много веток. Листьев, птиц, муравьев и прочего. А я нечто подобное к религии испытываю. От одной строки молитвы целый день могу быть в тихой благодати, много мне не нужно.

Сусанна это произносила, но было видно, что появишься тут свободный мужчина — и ...

Но появился не мужчина, а наша новая френдесса из Живого Журнала. Мы ее звали «княжна Мэри». Были грузинские корни из княжеского рода по отцу. И фамилия грузинская. И веки отливали драгоценной кофейностью.

Раньше она приходила к нам всегда веселая: словно в детстве съела какую-то волшебную ягоду и с тех пор как в сказке живет.

Но война на Кавказе за пять дней превратила Мэри в молчаливую и даже вообще аутичную почти старуху. А ведь ей не было тридцати лет! В то время как до Пятидневной войны Мэри приходила к нам в голубовато-белой блузке фарфорового оттенка и казалась вообще подростком.

— Мэри, смотри: эта картина называется «Я ранена Пятидневной войной». Но так тяжело мне видеть кровь в ране... что хочу замазать... какая я слабая.

— А меня обокрали. Взяли фотоаппарат — и больше ничего.

— Когда?

— Вчера. Я сидела на грузинском сайте, в это время отключился Интернет. Я пошла к знакомым. Еще им сказала: вот будет интересно, если и у вас отключат... И точно! Я только зашла на грузинский сайт — отключился. Пришла домой — дверь открыта.

— Чтоб страны меж собой не воевали — друг друга не хватайте за Цхинвали, — процитировали мы фразу из Живого Журнала.

— Спецрепы снимать не дают.

— Что?

— Специальные репортажи... Но это не самое страшное. Техник — он русский, мы сидим в одной комнате — прислал письмо по электронке: не выключила комп, в следующий раз — штраф...

— Не хочет с грузинкой разговаривать?

— Ну пусть, я все равно хотела уйти с такого телевидения. Задаю депутату вопрос, а он читает по бумажке ответ на другой вопрос. Я чувствую себя подставкой микрофона. А это вам подарок — для какого-нибудь рассказа, — Мэри протянула медицинский плакат с упражнениями, где у каждого физкультурника был пририсован член. — Снимала больницу и для вас сняла...

Вскоре Мэри ушла, а мы стали вспоминать всех грузин, с которыми сидели за одной партией в школе и в вузе, дружили десятилетиями — как они там сейчас, когда российские самолеты бомбят Гори и другие города...

Лицо у Сусанны в это время изменилось, как у алеутского шамана, — без всякой косметики. Только что цвело — и вдруг стало будто из глубины океана всплыло что-то не наше... Я вспомнила, что в детстве она играла с сестрой в больницу и хотела циркулем из гипсовальни отца поставить укол младшей сестре... благо та решила «спросить у мамочки»...

— Слушайте, зачем вы жалеете грузин! Это ужасные люди! Помните: они торговали фруктами на рынке — на нас наживались?! Потом шили подпольно джинсы и этим развалили Союз!

– Сусанна, неужели за фрукты и джинсы нужно бомбить детей и женщин, стариков и больницы? Ты сама только что говорила: украинцы должны были отделиться, чтоб не быть сосланными в Чердынь!

– Так украинцы не начали, а грузины первые начали войну! – Ум, как угодливый слуга, подносил ей те аргументы, которых душа ее жаждала. – А теперь, видите ли, Данелия заявляет: «Я жалею, что дожил до этих дней!»

– Грузины начали – спрос с того, кто отдал приказ. А мы переживаем за честь нашей страны. Ведь грабят и насилуют наши солдаты!.. Ой, сейчас внуки приедут, Сусанна, извини, нам нужно полежать десять минут перед внуками, чтоб набраться сил.

Она ушла, а мы потерянно убирали со стола, бормотали что-то про то, как трудно выносить-родить-вырастить ребенка, но так легко его убить – за одну секунду... мы не хотели осуждать Сусанну, потому что слаб человек, а по первому каналу сами знаете что... и вообще, россияне на первое место ставят Сталина в историческом ряду... в общем, пришла милая гостья, а ушла бедная-бедная... вот такая рокировка.

На другой день рано утром раздался звонок. Это была Сусанна.

– Нина, ты прости меня за вчерашнее: я не разбираюсь в политике, а вечером дочь из Германии позвонила и сказала: «Что Россия с ума сошла, что ли?!» Я всю ночь не спала... всю ночь! Прости. Помнишь, меня наша грузинка, как ее... в группе «Б»... называла меня «Сусико»? Как прекрасно звучит, да? Помнишь?

– Помню. Я все помню...

19 августа 2008 года, г. Пермь

ТОБАГО (ГОНКИ КРАБОВ)

Афоня (Афонин) разглядывал маски в гостиной у Сергея Сергунова. Слева столик резной, справа – этажерка, инкрустированная фигой. На ней – клетка с озабоченным попугаем. Впрочем, еще в десятом классе Серегу прозвали орнитологом, потому что он говорил девушкам: «Послушай, птичка моя»...

Две маски были знакомы еще со школьных времен.

– По-прежнему любишь колониальный стиль?

– Летом предстоит ремонт... в основу пространства я положу тему овала.

Это показалось чересчур: будто он хотел перепланировать все какое ни есть пространство...

Афоня, направляясь сюда, надеялся, что не будет завидовать счастливцу-однокласснику. Сначала даже хотел надеть рваные джинсы, в которых иногда ходил в издательство. В писательской среде одеваются или очень хорошо, или очень плохо – чтобы видели, что это прикол.

Сейчас Афоня почти успокоился, когда вспомнил Музу. Взяв тайм-аут на секунду, прогнал перед собой маленький мемуар.

В десятом классе была у них компания: пять парней и одна Муза. Но она не барражировала над ними с лавровыми ветвями – просто так ее на самом деле звали. Все рвали деву друг у друга из рук, то есть звали в кино, на каток, пластинки послушать – с тайной надеждой на что-нибудь другое, – но это не то, что вы подумали, а за руку взять или отважно поворошить ее волосы и сказать: «Не прическа, а осень». Завораживающего в этом было – в шестнадцать лет – до хрена.

У Сереги тогда как-то промелькнуло:

– Все смотрят как до, а Муза – как после.

- После чего именно?
- Циник! Я имел в виду па-ца-луйчик.

А в другой раз он обмолвился в том смысле, что – мол – она рассмеялась *русалочьим* смехом. Ну подумайте, кто знает, что это такое, кто слышал смех русалки, в каком пруду, полном тины и кувшинок...

Сергея – единственный из класса – фарцевал и пару раз водил Музу в ресторан. Там он написал на ее тарелке горчицей: «Люблю». Музу якобы смутило, что горчицей. А ведь у него старший брат был приглашен врачом в Республику Тринидад и Тобаго, приезжал в отпуск, привозил шмотки штатовские...

Как же так вышло, что Муза перелетела к Афонину? Ведь у него – если и приглашали родню куда-нибудь работать, так это в село Караштан. Ну, правда, Афонин говорил афонизмами:

– Не надо сдаваться, пока не пришел полный три-целых-четырнадцать-сотых-здец.

За них – афонизмы или еще за что, неизвестно, – достались ему три с половиной прогулки с Музой, из которых две – в кино.

Потом начались вступительные экзамены, во время которых еще были звонки по телефону и думалось: ну, теперь со мной навсегда. Она!

Но в сентябре уже все закончилось. Компания тогда разбежалась по вузам: Афоня поступил на филфак универа, Серега – в политех, Муза всегда мечтала стать психиатром, а здоровенные близнецы Мака и Витуся осели на спортивном факультете в пед. С ними и Паша хотел прорваться к спокойному месту физрука, но провалил сочинение. С тех пор Паша пашет. На заводе. Да, вы заметили, что это очередной афонизм?

Время было советско-картофельное, студентов в сентябре резко развезли по колхозам – убирать урожай. А в октябре Муза сказала:

– Столько костей, столько костей у нас! А мышц – в два раза больше! Какие тут встречи.

Изобилие костей и мышц, правда, не помешало ей к Новому году выйти замуж за пятикурсника. Видел его Афонин: глаза совершенно без чувства юмора... Но Муза утверждала: так нужна опора – психиатры должны быть сильными. Никто в это не верил. Они все чувствовали, что Муза – не женщина-вамп, что здесь кроется некая тайна, но пока не понимали, в чем дело...

А теперь внимание!

Опять пошла сцена на квартире у миллионера Сергея Васильевича Сергунова. Он стал похож на всех русских актеров, играющих породистых эсэсовцев. Вот вылез охранника:

– Эти конфеты – консьержке, скажи, в честь Рождества.

И лицо у него немного смягчилось при этих словах, как у Мюллера при вербовке агента.

Афоня подумал про охранника: как можно такого на работу брать: у него нос с несколькими перехватами – видимо, часто ломал на тренировках.

Охранник ушел, а Сергей вдруг стал надевать рукавицы. Попугай встрепенулся и закричал:

– Утопить кровопийцу!

А куда он... мой труп? – подумал Афонин. – Да и кто мстит через столько лет? Сергей вышел и тут же вернулся. В руках у него был... ежик.

– Как ты думаешь, что он ест?

Афоня отдышался от паранойи и сказал:

– Давай посмотрим на «Яндексе». Наверно, грибы-яблоki.

У ежика был вид типа дел навалилось, надо мне еще норку рыть, ведь зима уже кругом, пацаны!

– Ежик – плотоядное животное. Видел бы ты, как он вчера селедку трескал! Мне его замминистра подарил. У нас дачи рядом.

Не надо падать раньше выстрела, вспомнил Афонин свой же афонизм, глядя на ежовые рукавицы. И вдруг решительно спросил:

– Слушай, скажи честно: почему ты мне эту рекламу заказал?

– Сон приснился. Будто бы я лечу на собственном самолете. Смотрю: приборы испарились, крылья начали отваливаться... Думаю, ничего страшного, я и без самолета летать умею. Но вдруг умение летать, это умение покинуло меня. Как человек находчивый, я нашел выход – проснулся. Мой психоаналитик сказал: надо восстановить общение то ли с друзьями по школе, то ли по вузу.

– И ты полез в «Одноклассников»? – Афоня уже с нетерпением ждал, когда ему заплатят за его рекламные сочинения.

У Сергея недавно жена повезла тещу в кардиологический санаторий. Вот так, все время думаешь, да и не только о теще, а в первую очередь о себе, что в груди трудится какое-то неутомимое существо, скромное такое, самоотверженное. И вдруг оно растопырилось между ребрами, сосуды веером: меня гложет холестерин, ах, я заболело!

Вошли дочери в дубленках, как румяные вазы: ваза побольше и ваза поменьше.

– Папа, мы на конный завод.

– С кем?

– С Большовыми, – сказала Анчик, ваза повыше.

– Не волнуйся о бабушке, – добавила Сончик, – она должна досмотреть до конца «Бордель-два». А это шоу лет так на дцать.

Дочери ускакали, охранник вернулся. Сергей отправил его на кухню: выпей, типа, кофе.

Афоня протянул ему распечатку из пяти листов. Три дня он гнал заказанную рекламу на автомобиле, и это было муторно: у самого машины нет и вряд ли будет. Приходилось ударяться в формальные приемы и лирику: «Осень. Япония. Большой урожай Хонд»...

– Как у тебя – все получилось? – спросил Сергей.

– Дело Тобаго – сделал только половину, дальше не пошло.

Свой дружеский кружок в школе они называли «Тайное общество любителей Тринидада и Тобаго».

Эта волшебная страна в Карибском море их заинтересовала, когда старший брат Сергея уехал туда преподавать в медицинском колледже анатомию. Близнецы еще предположили, что братец-то у Сереги резидент.

– А вот это не наше дело, – прошептал Сергей.

Тогда – внутри совка – от мечтаний о карнавале, о гонках крабов в Тобаго холдела спина и английский бешено учился.

После окончания школы каждое восьмое марта встречались у Классной, которая совсем не походила на математичку, а походила на Джейн Фонду – но почему-то математика напрямую шла от ее пухлых губ в головы подростков, пробиваясь через девятый вал гормонов.

Муза приходила среди первых и делала пушистые бутерброды: сыр терла на крупной терке, затем бутерброд с маслом в него окунала. Эта хозяйственность почему-то шла к ее бледному средневековому лицу, будто изможденному монастырскими бдениями. Афоня женился в двадцать и, подчеркивая свою освобожденность от Музы, всегда говорил, уходя в туалет, нарочито громко: «Обмен веществ». И все принимали это за очередной афонизм и веселились.

Что мог противопоставить этому Сергей? Этим косым афонинским глазам, рождающим эротический шквал у разных дурочек. Этой каше во рту, которая вызывает

содрогание повсюду – опять-таки у дурочек. Пришлось шлифоваться в другом направлении. Например, он стал говорить Музе на этих встречах:

– Баронесса, могу я предложить вам салат? Ах, какая у вас помада, баронесса.

Когда началась перестройка, пару раз еще пытались встретиться. Но все превращалось в митинг в четырех стенах: кто за Ельцина трепетал, а кто за Горбачева. Муза взяла нейтральный тон:

– Парочка Ельциных и один Горбы уже есть в нашем психиатрическом отделении.

– А Наполеон?

– Наполеона ни одного не встретила.

– Неужели ни одного Сталина нет? – ревниво спросил Паша.

Муза делала сложный рельеф губ, словно хотела улыбнуться, но тут же раздумала:

– Открою вам великую тайну: сумасшедшие не до конца больны. Сталиным никто никогда себя не чувствовал.

Году в восемьдесят шестом Сергей, сильно выпив, сказал близнецам, а они потом передали Афоне, по-свойски так, его слова: «Десять лет я жевал этот кактус неразделенной любви. Все, женюсь. Хватит неразделенки».

Это было после второго замужества Музы. Когда этот второй заехал на вечеринку за Музой, Афоня разглядел его лицо, как будто состоящее сплошь из кривых ухмылок, но в сумме почему-то приятное. Впрочем, второй муж Музы был диссидент, а в начале перестройки к таким относились уже с симпатией...

А в восемьдесят седьмом – на вечеринке – Муза рассказала Афоне, когда уже мыли посуду, что ее отец на фронте потерял глаз, попал в плен, а после войны за плен полгода просидел в фильтрационном лагере! И так это было горько!! Свои посадили, гады!!! Жить не хотел... Он потом частенько, напившись, хныкал по-бабы:

– Зачем только я глаз потерял! Да пусть бы лучше фашисты победили!

Афоня вдруг прямо спросил: чем другие подошли в мужья лучше, чем он – Афонин?

– Помнишь, ты оставил на почте перчатки и, вернувшись, стеснялся их взять: что подумают? А какой-то мужик не постеснялся, схватил и убежал. Ты бы стеснялся моего отца.

– Допустим. А чем Серега не пара тебе?

– Ну, иногда мне казалось, что у него под кожей лица дракон спрятан. Вот-вот лицо треснет – дракон полезет...

До утра они сидели у Классной, наслаждаясь привычными тостами:

– Ну, давайте по энной вздернем, то есть, воздернем.

– А теперь по эн плюс первой.

И вдруг в семь часов Афоне стало плохо, и Муза отпоила его смектой.

Или это было в другой раз? Когда в России смекта-то появилась? Афоня не помнит уже. Помнит зато, как жена Паши – Зинчик – шептала:

– Паше не говорите! Так-то он долго хворает и не пьет. А со смектой короткие перерывы будут.

Паша на диване делал вид, что спит, а сам накрепко запоминал вождьделенное услышанное...

Конечно, Афоня удивился, когда три дня назад, 2 января 2008 года, Сергей позвонил – заказать рекламу – и собственными барскими ручками скинул на «мыло» список авто, которые надо было воспеть.

Вот Сергей надевает очки, проговаривает вслух: «Пишем Лексус, читаем – Люксус», – делает паузу, чтобы обдумать. Попугай шелестит крыльями и тихо говорит что-то в свой кривой нос, словно напоминая: я-то не автомобиль – выпусти-те полетать. Сергей открывает клетку. И тут раздаются крики на лестнице:

– Убили! Милиция! Помогите скорее! – И вроде бы кого-то рвет.

Сергей посмотрел на охранника.

– Не выйду, – ответил тот. – Вдруг это специально, чтобы выманить...

Тогда вызвали консьержку. Она сразу завывала:

– Они сказали: экспресс-почта! Похожи на гусаров. Сели в лифт с Шутовой. Никаких выстрелов не слышно. Сразу они вышли, я думала: вручили.

Вручить-то вручили... между глаз, поняли одноклассники.

Афонин стиснул все зубные пломбы и вышел, спустился на один марш... и пожалел.

– Лужа крови, кусочек черепа, – вернувшись, сообщил он.

Это уже невозможно было пережить насухую, и Сергунов повел его куда-то через арку вглубь квартиры. Там на стене Афонин увидел две иконы: Нины Грузинской и Сергия Радонежского.

– У тебя жену Нина зовут?

– Да, Нина, – говорит Сергунов и достает из шкафчика красного дерева коньяк «Ной». – Она выделялась еще в песочнице своей смуглотой – я знаю ее с детского сада.

Выпили по первой.

– Любую позу жены сразу можно на коробку конфет. – Говорит это Сергунов, а про себя прокачивает: «Кто заказал? Конкуренты Валентина? Родственники? Или за обиду кто завалил? С Афониним перетирать бесполезно: у него ничего нет, поэтому не поймет».

– В этот детсад сейчас ходит мой внучатый племянник, – говорил он параллельно, – я им спонсировал юбилей заведующей. Отгадай, куда они пустили мои кровные? Ну. Я понимаю: подарок, выпить-закусить – пусть. Так они, эти тетки, стриптизера молодого оплатили!

– Стриптизер нынче что-то вроде Деда Мороза, – заметил Афонин.

– Все-таки это детский сад! Куда катимся, старичок?

Опрокинули по второй – тут звонок в дверь.

– Капитан Трекозов, – показал корочки маленький, щупленький в потрепанном анорাকে. – Много не пейте: вам предстоит давать показания.

И тут же капитан выронил удостоверение. Неделя праздников сказывается, подумал Афонин.

– А мы ничего не слышали – только крики.

– Вот это и запишем в протокол. А то слабый нынче свидетель пошел, соседку вашу, Шутову, сейчас увезут на «скорой». Говорит, ничего не помнит. М-да, тяжело день начинается.

Афонин недавно редактировал мусорный какой-то детектив. Там киллеры были с приклеенными носами-усами и даже с толщинками в нужных местах. И он подумал: капитан, это тебе не один бомж замочил другого – ищи, кому выгодно, сiii, в общем, prodest.

Капитану предложили рюмку. Он отказался:

– После шести дней праздника уже не могу.

Афонин посмотрел в окно: снег, как тухлый сыр, покрывал все.

Коньяк, выпитый ими без закуски, незаметно как-то стусевал все вокруг и унес капитана. Вдруг суровый повар принес им телятину и лимон. И вот Афонин сидит в кабинете Сергея и говорит:

– Хорошо, что дочери твои ушли.

Сергунов откликнулся:

– Анчика исключили из хоряги. Приговор вынесен: выросла большая грудь.
 – Слушай, они там озверели. Моего Алика тоже исключили... только давно – девять... нет, одиннадцать лет назад. Голова, говорят, большая выросла. Его звали в училище «головастик». Ну, все равно он левша, а для балета левша-мужчина не очень подходит.

Сергей не знал, как приступить к этой фразе: людей убивают направо-налево, а мы столько лет не виделись. После третьей стопки он все-таки решительно начал:

– Мой брат недавно вернулся с Тобаго.

«Наверное, все задание уже выполнил», – подумал Афонин, но вслух ничего не сказал, хотя коньяк так и подмывал.

– Самое время, – продолжал звучно Сергунов, – теперь нам съездить на Тобаго. Денежек у меня немножко есть, наш кружок могу свозить.

– А Классную? – пыхнул парами «Ноя» Афонин (они вообще сейчас друг на друга пыхали, как два коньякодышащих существа).

Сергей решил, что не скажет про квартиру, которую купил Классной, – двухкомнатную. Еще год назад. А свою однушку она сдает, чтобы жить. Он спросил:

– Ты помнишь девиз Государства Тринидад и Тобаго?

– Together we aspire, together we achieve («Вместе стремимся, вместе добьемся»), – выпалил Афонин.

И напомнил, как на сайте «Одноклассники» близнецы стремятся и добиваются... истины. Один пишет: Тунгусский метеорит был огромным скопищем комаров, которое взорвалось, достигнув критической массы. Другой парирует: как это может быть, если туча комаров – это коллективный разум.

– Представляю: на Карибщине они будут нас баловать интеллектом...

Попугай заорал:

– Хочу чикен!

Серегин крикнул:

– Молчи, а то чахохбили из тебя сделаю!

– Чахохбили. – Попка мрачно процитировал проект приговора.

Сергея вдруг усох и превратился в хитрого гнома, который шлифует сокровища будущих впечатлений:

– Ну представь: там гонки крабов, упругие мулатки! Да Мака и Витуся утонут во всем этом!

– Ты, наверно, давно не видел клон наших физкультурных красавцев. Они имидж сменили, чтобы не походить друг на друга. Мака сейчас полуприкрывает рот усами. А Витуся стал брови подбривать. И представь, их стали еще больше путать!

Тут их беседа опять была разорвана оперативником. На ходу истаивающий Трекозов приглашал их в понятые, бросив пару завистливых взглядов на их крепкие красные морды.

– Вы здесь бывали частенько, господин Сергунов, посмотрите, все ли на месте.

Говоря это, капитан хотел подвинуть колоду карт, лежащую на краю. Но вместо этого размашисто рассеял карты по ковра. Серегин понял, что убийство никогда не будет раскрыто.

– Ничего не трогайте руками, – вдруг вспомнил Трекозов.

– Тут мои отпечатки все равно есть. Я часто к нему заходил.

Афонин увидел Джоконду с третьим глазом: о! Это стоит гору баксов вообще.

– На первый взгляд, все на месте, – сказал Сергунов. – Но лучше спросить у домработницы. Ах да, она на днях уволилась.

И тут что-то налетело, понесло, ударило и пробило: что мы тут стоим, пьяные идиоты, в пустой квартире, как в чистом поле. Надо трезветь, бежать, звонить, назначить месяц август! В Тобаго! В Тобаго!

Афоня ехал домой и думал: «А я вообще миллиардер. Мой миллиард – жена. В какой валюте миллиард? Неважно. Я ведь не собираюсь его тратить. А если она меня бросит? Но и миллиардер может разориться». Конечно, его жена немного внешне была похожа на Музу, но совсем другой тип женского характера. Муза и любила, и стеснялась своего отца (и боялась за него и за себя – если бы слова некоторые его просочились, то могли посадить всех). А жена Афонии – Лика – выросла в разведенной семье и так старалась упрочить свой очаг, что могла сделать обед из блюд, которые встречаются в романах Толстого. А когда Афоня вернулся от Сереги, Лика с порога зачастила:

- Им тоже плохо, богатым. Ты же знаешь.
- Знаю! От пятой жены тошнит, любовница хочет стать шестой.

Через час Сергей позвонил:

- Афоня, я не смог остановиться и перебрал...
- Да нет, успокойся, ты дал мне за рекламу ровно пятнадцать тысяч. Ходасевич нашелся.
- Кто?
- Я котенку. Он интересуется скляночкой с йодом – грызет пробку. Марсик, известный в узких кругах под кличкой «Ходасевич»...

Сергунов после паузы:

- Я про Класную. Не разъяснил. Она – да, луч чего-то там... но испортит нам всю карибскую малину.
- Ну чем она испортит?
- У нее сейчас два пункта: ЕГЭ как воплощенный ужас и любимый ученик Самсон Джоджуа, который профессорствует в политехе и жалуется, что на третьем курсе не знают таблицу умножения.

Афонин с пьяной нежностью:

- Так мы привыкли к ее пунктикам. «В одной семье высшую математику звали "вышка", а в другой – "возвышенная математика". Но плохо знали там и там. Хорошо знали в семье, где эту дисциплину так и называли: высшая математика»... Я вот боюсь, что Паша нам все испортит.
- Ты с ним часто видишься?
- Конечно. Мы с ним по-прежнему живем в том же доме. Пашка жалуется, что дочери мечтают об аллигаторах – так он зовет олигархов... Цитирую: «Это все, бл.дь, от бездуховности».

Все получилось иначе. Паша вообще отказался лететь с ними во второй половине августа в Тобаго!

Зато Муза сразу начала готовиться к поездке – буквально за полгода.

Она села на диету.

Взяла абонемент в спортзал.

Купила прозрачную сумку.

Раз в неделю стала наведываться в косметический салон. Когда шла туда в очередной раз, продавщица бутика «Лора» выглянула:

– Звезды, заходим, заходим!

Проходящие девушки откликнулись на приглашение, а Муза с ними! Купила две блузки и в придачу услышала рецепт, как покрасить волосы с помощью кофе.

Недавно Муза была на юбилее подруги, и там жена коллеги ее высокомерно спросила: «Дома стрижешься? Сразу видно». Во-первых, Муза стриглась в парикмахерской. Во-вторых, она не растерялась:

– Да, дома стригусь, сейчас в Париже это последний крик моды. А ты разве не знала? Отстаешь от мировых тенденций...

А теперь вот – для поездки на Тобаго – решила узнать, какие есть знаменитые парикмахеры в городе...

И для чего? – спрашивала она себя. Для того, чтоб – вернувшись – сказать подруге, что мальчики выглядят хуже, чем ее муж? Что – будучи ее мужьями – они бы сохранились лучше? Так примерно выразилась подруга Музы, побывавшая на встрече со своими одноклассниками...

Весной 2008 года Паша стоял на автобусной остановке – с лицом, гневным на человечество. Он так долго работал в цехе, что лицо его походило на какой-то пожилой станок. Лес наш, привычно думал Паша, уголь наш, нефть наша, почему же все отдали единицам... Справедливости хотелось, как хочется сладкого – все время, и он все время забывал, что раньше тоже не было справедливости.

Летел клин журавлей. Вдруг они снизились и перестроились крестом. Паша понял, что его ожидает испытание, но не знал, что предпринять, и продолжал стоять.

Тут кто-то ударил его по голове (так он рассказывает), и у него почти полностью пропало зрение. Но он крестоходец, и летом все-таки снова пошел в Крестный ход, хотя жена говорила, что это были не журавли, а микроинсульт, – а журавлиный крест померещился ему в измененном сознании...

Мака и Витуся пришли за билетами на Тобаго в одинаковых футболках, а на них спереди – герб Советского Союза. Сергей осмелился в конце спросить:

– Скучаете по СССР?

– Нет, просто нравится, что «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» находится на интересном месте, – сказал Мака.

Близнецы сели слишком прямо, будто по палке проглотили, и Сергей все думал-думал, как сделать так, чтоб все чувствовали себя в поездке свободно.

– Говорят, ваши жены – прям голливудские блондинки? – спросил он. – А у моей не нос, а архитектура: две горбинки, а на конце бульба... Но не за это мы ее любим! Ну что вы мнетесь? Говорите.

Они протянули плакат, который прислал Паша:

«Живи быстро – умри молодым. Пенсионный фонд России».

– Ну, он меня уже достал. В детстве он думал, что если ходит в резиновых сапогах, то имеет право меня бить.

– «Чья печаль не рвется в печать?» Кто же это сказал? – спросил Витуся.

Но все повернулось иначе. Восьмого августа началась война в Южной Осетии, и Сергей позвонил Афоне:

– Слушай, я не смогу полететь с вами, так что можете без меня, а можете сдать билеты и деньги взять себе. Близнецы успеют на слет близнецов в Германию, например...

– Сейчас я слышал по «Эху», что в Грузию ввели столько танков, сколько было на Курской дуге...

– В пятидневной войне?

– А в какой еще?

– Да я политикой не интересуюсь... для бизнеса это вредно.

Очень даже интересуюсь, подумал Афоня, но боишься, что в поездке начнутся разговоры, а кричать «Танки на Тбилиси!» рядом с Музой... не пройдет. Сомневаться же в гениальности властей – нельзя. Бизнес отнимут...

– Серега! Ты думаешь, кто-то донесет? Даже Паша бы не стал... его лозунг мы знаем: «Никакой войны, кроме классовой». Но он и не летит.

– Говорю тебе – дела срочные навалились. Ты понимаешь?

Афоня понимал: Серега готов делиться, но не готов потерять все.

«Ну а разве я бы на его месте вел себя иначе? Но, к счастью, я на своем месте».

– Что? – спросила жена. – Сергей отказался лететь?

Все предсказала еще в первый день войны. Афоня набрал на «Яндексе» «Тобаго». Высыпались те же гонки крабов.

– Лика, – позвал он. – Знаешь, крабы как ходят? Не вперед, не назад, а вбок...

А Музе он решил сказать тоже что-то «вбок»: мол, через пятьдесят лет после войны с немцами ведь наладились отношения, а с чехами – через сорок... и с грузинами наши правнуки помирятся.

– Немцы, чехи – северные народы. А грузины – горячий южный народ, – ответила Муза.

– Да и наши погорячиться умеют. Вот книги Данелии уже успели уценить... Прости, тут полка книжная упала. Жена зовет меня.

«Наверное, жена его пинает эти книжные полки, чтоб падали», – подумала Муза и улыбнулась слабой средневековой улыбкой.

3 сентября 2008 года, г. Пермь